

ИНГРИДА ПЮЛИ

Туда тебе и дорота,
ВЕДЬМА!

Ингрида Пюли

Туда тебе и дорога, ведьма!

<https://litres.ru/74212369>

Аннотация

Суровый инквизитор, закаленный в борьбе с нечистью, должен доставить в столицу молодую ведьму, обвиненную в чудовищном преступлении.

Но по мере их опасного путешествия он начинает сомневаться не только в ее виновности, но и в праведности собственного Ордена.

А ведьме предсказана «дорога дальняя, роковая любовь».

Содержание

Эпизод 1	4
Эпизод 2	10
Эпизод 3	15
Эпизод 4	21
Эпизод 5	29
Эпизод 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эпизод 1

— Недолго тебе блуждать по свету, ведьма! — слышала я бормотание старого бродяги, пойманного на попрошайничестве возле рынка.

Он отвлекал почтенных граждан, пока его молодой напарник обчищал их карманы.

— Дурной глаз, не смотри на неё! — торговка, сидевшая в клетке напротив за долги в ожидании, пока внесут деньги, осенила себя крёстным знамением и заставила сделать то же того самого молодого вора.

Он с интересом смотрел в мою сторону, но я держалась в самом углу. Привыкла скрываться от любопытных глаз.

Да не убереглась, вот!

Влажная солома впитала в себя запахи тюрьмы: ржавого железа, плесени и страха.

Я сидела, не слушая их разговоры.

Пыталась не слушать, как они во всём винят меня.

Прислонившись спиной к холодному камню, и думала сосредоточиться на слабом луче света, пробивавшемся сквозь решётку под самым потолком.

В нём плясали пылинки – крошечные, свободные. Я следила за их танцем, чтобы не сойти с ума.

Чтобы не думать о том, что меня ожидает.

Моя клетка была лучшей во всём этом зловонном подзе-

мелье.

Просторная, с дырой в полу для нужд и даже с соломой, которую меняли... ну, иногда.

Инквизиторы берегли свой товар.

Особенно такой ценный, как я.

Ведьма из рода Стражей Древней Роши, последняя из линии травниц Зелёной стороны.

Живой трофеей.

Скоро меня повезут в столицу, на суд и «очищение». Я предпочитала не думать, что именно это слово означало на языке Святого Ордена.

У меня была слабая надежда, что мне есть, что предложить взамен свободы. Я сотни раз прокручивала в голове этот разговор, но постоянно отвлекалась.

В соседних камерах копошились другие обитатели.

Вор, что всё время бормотал себе под нос, проститутка, плакавшая по ночам, и какая-то старуха, чьё лицо я никогда нормально не разглядела – только ключья седых волн и крючковатые пальцы, цеплявшиеся за решётку.

Со мной напрямую никто не разговаривал.

Одни – из страха. Другие – из суеверия. Третьи – по приказу.

Я была клеймённой, нечистой. Прикосновение моей кожи могло осквернить, а слово – наслать порчу.

Ирония заключалась в том, что серебряный ошейник-подаватель, впивавшийся мне в горло, не давал бы мне этого

сделать, даже если бы я очень захотела.

Он был похож на изысканное украшение – тонкое плетение, узорчатая застёжка.

Но под узором скрывались иглы, впрыскивавшие в кровь мерзкий эликсир, который превращал мою внутреннюю силу в тяжёлый, безжизненный камень на дне души.

Я чувствовала себя слепой и глухой, отрезанной от живого пульса мира. Безгласной.

Безголовой.

Шаги в коридоре заставили меня вздрогнуть.

Это были не грубые, топчущие шаги стражи, а твёрдые, отмеренные, как удар метронома на столе инквизитора.

Сердце ёкнуло, предвосхищая боль, унижение, страх.

Это был он. Мой провожатый. Мой палач.

Я слышала, как местные держиморды шептались, что инквизиция в Лесове сожгла бы меня за «будь здоров», но пришла депеша: не трогать.

Ждать визита столичного инквизитора.

Прошла неделя, как меня притащили сюда, и никто за мной не являлся. Ни на допросы, ни на осмеяние толпы.

Шаги прошли мимо и затихли где-то в дальнем конце коридора.

Просто смена караула. Выдох вырвался из моей груди прерывисто и нервно.

— Слышь, ведьмачка...

Шёпот был таким сильным и неожиданным, что я сначала

подумала – померещилось.

Повернула голову.

Из соседней камеры на меня смотрели два блестящих, как у старой совы, глаза. Это была древняя старуха.

Она всегда молчала, когда меня оскорбляли.

— Я к тебе, — проскрипела она, и её пальцы, похожие на корни, обхватили прутья нашей общей решётки.

Общий гомон обречённых на заточенье стих.

Я не ответила. Что ей могло быть нужно?

— Дай руку, — настаивала старуха. — Погадаю. Перед дорогой положено.

Её настойчивость была странной.

Все меня боялись.

Все, кроме этой полусумасшедшей старухи.

Возможно, отчаяние и скука были сильнее страха.

Медленно, с неохотой, я протянула руку сквозь прутья. Моё запястье было исцарапано и покрыто синяками, но старуху это, казалось, не смущало.

Её пальцы, холодные и шершавые, как камни, обхватили мою руку.

Она не смотрела на ладонь, а уставилась в пространство перед собой, её глаза закатились, так что виднелись только белки.

— Дорога... — прошептала она. — Дорога дальняя... через леса и степи... Всадник в стальной броне с волосами цвета первого снега... ведёт тебя на верёвке... но цепи лжи

хрупки...

От её прикосновения по коже побежали мурашки.

Это не было магией. Ошейник молчал, не причиняя боли. Это было что-то иное, древнее и дикое, как ветер в горах.

— И любовь... — голос старухи стал ещё тише, почти исчезающим. — Любовь роковая... Сердце, закованное в сталь... расколется о твоё... Он будет жечь себя твоим огнём... и станет твоим щитом... а ты его проклятьем...

Она отпустила мою руку, словно обожглась, и отползла вглубь своей камеры, снова превратившись в безликую кучу тряпья.

Я отдёрнула руку и сжала онемевшие пальцы в кулак.

«Дорога дальняя и любовь роковая». Банальность, которую можно услышать от любой гадалки на рыночной площади за медяк.

Стандартный набор для пленницы, которую везут на суд. Чёрный всадник – это, несомненно, инквизитор.

А «любовь роковая»... Я горько усмехнулась.

Единственное, что ждёт меня в конце – это костёр или ритуальный кинжал. Возможно, судьба меня и на сей раз помилует, но тогда я обрету свободу и страх.

Любви здесь не место.

В других камерах громко расхохотались, отпуская сальные шуточки.

Я снова откинулась на холодный камень и закрыла глаза, пытаясь заглушить бессмысленное пророчество.

Но слова «сердце, закованное в сталь» почему-то отзывались в памяти упрямым эхом.

Ошейник давил на горло, напоминая о моей настоящей клетке.

А где-то наверху, в мире света и свободы, плясали в солнечном луче пылинки.

И одна из них, оторвавшись от остальных, медленно и обречённо падала в темноту.

Эпизод 2

Шаги вскоре вернулись.

На этот раз они были чёткими, тяжёлыми и неумолимыми. Они остановились прямо перед моей решёткой, и я заставила себя открыть глаза, повернуть голову.

Лязг ключей, скрежет железа – и дверь с визгом отворилась.

Двое стражников в синих плащах вошли внутрь. Они не смотрели на меня, их лица были напряжены.

– Встать. Идти, – бросил один из них, голос дрогнул лишь на мгновение.

Мои ноги, затекшие от долгого сидения, еле слушались.

Обутые в продырявленные туфли ступни чувствовали кадлый камень на пути.

Ошейник холодной тяжестью напоминал о себе с каждым движением.

Стражи взяли меня под руки, их хватка была грубой, но не столько сковывающей, сколько поддерживающей – словно боялись, что их драгоценный груз развалится по дороге.

Мы вышли из камеры и двинулись по длинному коридору.

Я машинально бросила взгляд на соседнюю решётку, но там была лишь темнота и тишина.

Старуха исчезла, словно её и не было.

Остальные притихли и спрятались. Как ни была позорна

жизнь в тюрьме, даже она лучше, чем неизвестность. Страх.

Мы поднялись по винтовой лестнице, и свет из узких бойниц ударил по глазам, заставив зажмуриться.

После подземелья даже этот тусклый, пыльный луч казался ослепительным. Мы вошли в просторный кабинет коменданта крепости.

И я увидела его. Воплощенный закон и порядок.
Суровый закон, не способный к снисхождению.

В груди что-то дрогнуло. Мне вдруг почудилось, что с этого момента всё для меня безвозвратно потеряно.

Он стоял у большого дубового стола, спиной к окну, и в его чёрных, как смоль, латах с вычеканенным пылающим оком, казалось, был заключён весь сконцентрированный мрак этого места.

Инквизитор был высок, широк в плечах, а осанка выдавала в нём воина, привыкшего к власти и повиновению. Когда мы вошли, он медленно повернулся.

И я поняла, что он – самый красивый мужчина, которого я видела в своей жизни. И от этого сделалось ещё горше.

Резкие, словно высеченные из гранита черты лица, прямой нос, упрямый подбородок.

Волосы цвета первого снега, ниспадающие на плечи, перехваченные сзади ремешком, открывали высокий лоб.

Но это была красота холодного клинка, отточенного для убийства. А его глаза...

Боги, его глаза.

Они были цвета грозового неба, и в них горел тот самый фанатичный огонь, о котором я столько раз слышала в рассказах о служителях столичного Ордена.

В них не было ни любопытства, ни ненависти, ни даже презрения. В них был лишь ледяной, безразличный порядок.

Я была для него не человеком, не женщиной, не ведьмой. Я была задачей. Пунктом в приказе.

Он так отличался от местных служителей, как небо отличается от озера, отражающего его.

Комендант, толстый и потный мужчина, подобострастно улыбался.

– Инквизитор ван Торен, вот она. Готова к отправке. Как видите, в целости и сохранности, как вы и приказывали.

Элиан ван Торен. Конечно, это он.

Гроза ведьм. Его имя навевало страх не только на тех, кого обвинили в колдовстве, но и на добропорядочных женщин. Говорили, что не все обвиняемые были виновны.

Имя упало в тишину кабинета, как камень в колодец. Его взгляд скользнул по мне, быстрый, оценивающий, как осмотр скота.

– Ошейник затянут? – его голос был низким и ровным, без единой эмоции.

– Так точно, ваша милость. Подавитель работает исправно.

Ван Торен кивнул и сделал шаг вперёд.

Он был так близко, что я почувствовала запах стали, кожи

и чего-то ещё – горьковатого, как дым от сожжённых трав.

Он протянул руку в чёрной кожаной рукавице.

Я инстинктивно отшатнулась, ожидая удара. Но он лишь взял цепь, свисавшую с моего ошейника, и коротко дёрнул, проверяя крепление.

– Меня зовут Элиан ван Торен, инквизитор Ордена Пламени. Как зовут тебя, мне безразлично, – произнёс он, и его слова прозвучали как заученная формула. – По приказу Верховного Инквизитора я доставлю тебя в столицу для предстоящего суда и публичного очищения.

Он говорил ровно, чётко выговаривая каждое слово.

«Публичное очищение».

От этих двух слов по моей спине пробежал ледяной холод. Я знала, что это значит. Площадь, толпа, крики, дым... и боль. Всегда боль.

Я смотрела в его лицо, в эти прекрасные и бездушные глаза, ища хоть намёк на сомнение, на жалость, на что-то человеческое. На возможность договориться.

Но нашла лишь отполированную до зеркального блеска сталь веры.

Он верил.

Верил в своё право, в праведность Ордена, в то, что я – чудовище, которое нужно уничтожить.

И в этот момент во мне что-то сломалось.

Вся моя бравада, всё сопротивление, что я копила в темноте камеры, – всё это рассыпалось в прах.

До этого был страх, была злость, была надежда на побег в пути.

Или надежда обменять ценное знание на свободу. У Великого Инквизитора.

Но сейчас, перед этим человеком-монолитом, я поняла – бежать некуда. Меня ведёт на смерть тот, кто даже не считает это убийством.

Для него я – гиена.

Мои плечи опали.

Голова сама по себе склонилась. Я больше не видела ни его лица, ни кабинета, только пыль на своих босых ногах.

Дорога дальняя. Чёрный всадник. Всё так и есть.

«Любовь роковая», – с горькой насмешкой над самой собой подумала я.

Старуха определённо была сумасшедшей.

Инквизиторы не способны к любви. Они ненавидят женщин. Привлекательных вдвойне.

– Выдвигаемся через час, – раздался надо мной его голос, обращённый к коменданту. – Приготовьте её.

Стражи дёрнули меня за руки, чтобы развернуть к выходу. Я не сопротивлялась.

Во мне не осталось ничего, кроме тяжёлого, как свинец, отчаяния.

Эпизод 3

Было в моём заточении и что-то хорошее.

Например, меня даже наскоро помыли две старухи, смотревшие со смесью страха и презрения.

Дали чистую одежду, так что теперь я вполне могла сойти за селянку. Серое платье здесь носили служанки.

Но самой большой радостью стали новые туфли. Они чуть жали, но были кожаными и добротными. Почти новыми.

— Покойница Марфа себе готовила, да не пришлось, — со злостью сказала одна из старух. И посмотрела так, будто хотела добавить:

«И ты умрёшь в них».

Все понимали, что с ведьмой сделают в столице. Понимали и втайне радовались.

Хотя виновной в том действии, том море меня по-настоящему не считали. Я это видела.

Но ведьма всегда виновна. Не в этот раз, так в прошлый, про который лишь она одна ведает.

И вот настал этот час.

На рассвете меня отвели в конюшню, где уже был осёдлан огромный вороной жеребец, похожий на своего хозяина — такой же стальной и беспощадный.

Элиан ван Торен одним движением подхватил меня и посадил в седло, как вещь, как тюк с сеном.

Прежде чем я успела опомниться, его сильная рука с ловкостью, говорящей о долгой практике, защёлкнула стальные наручники на моих запястьях.

Второй их конец с коротким, мерзко бряцающим звеном цепи он пристегнул к тяжёлому кольцу на своём пояском ремне.

— Сиди смирно, — его голос прозвучал прямо у моего уха, холодно и ровно. — Резкое движение — и ты просто упадёшь с лошади. Мне велено доставить тебя живой, но не обязательно в идеальной сохранности.

Он вскочил в седло позади меня, и его бронированная грудь вплотную прижалась к моей спине.

Я вся застыла, стараясь отодвинуться, но это было невозможно.

Каждый его вдох, каждый поворот корпуса я чувствовала сквозь тонкую ткань моего платья.

От него пахло холодным металлом, конской сбруей и тем самым дымом сожжённых трав — запахом Ордена, запахом смерти.

Ведьмы не учатся своему ремеслу, они рождаются такими. Но когда я встретила старую Риску, она, выжившая из ума, покачивая узловатым от артрита пальцем, прокаркала:

— У каждой ведьмы свой конец. Свой инквизитор, что отправит её на Очищение.

— И нельзя избежать такой судьбы?

— Можно, — засмеялась она беззубым ртом. В её затяну-

тых бельмами глазах просветлел разум. — Если сама умрёшь раньше.

Так и началось наше путешествие.

В напряжённой, гнетущей тишине, нарушаемой лишь стуком копыт его коня и скрипом моих наручников.

Он не разговаривал.

Не смотрел на меня, я это ощущала затылком, как он старательно отводит глаза.

Он просто вёл лошадь, а я была всего лишь неприятным приложением, прикованным к его поясу.

Цепи впивались в кожу, натирая запястья до боли.

Солнце, которое я так жаждала увидеть после камеры, безжалостно пекло мне голову.

От долгого сидения в одной позе затекали ноги и спина. Каждый камень на дороге отдавался в моём измождённом теле ударом.

Тук-тук-тук — ни дать ни взять колотушка сторожа, возвещающего, что всё идёт как надо. Ночь пройдёт, наступит день.

Дорога закончится, но то, что меня ждёт в столице намного хуже. Если не договорюсь с их Верховным.

Я пыталась найти удобное положение, но это было бессмысленно.

Цепь натягивалась, дёргая меня за руки, и я слышала за спиной его раздражённый вздох.

Он не говорил ни слова, но его молчаливое негодование

было ощутимее любого крика.

И я замирала на мгновение, вжимала голову в плечи.

В какой-то момент, когда мы спускались по особенно крутому склону, и мне пришлось вцепиться в гриву лошади, чтобы не съехать с седла, я не выдержала

Отчаяние и физическая боль пересилили страх.

– Господин инквизитор... – мой голос прозвучал хрипло и тихо.

Он не отреагировал.

– Господин ван Торен! – я сказала громче, и он слегка повернул голову, дав мне понять, что слышит. – Эти наручники... они не нужны. Я дам вам слово. Клянусь древней магией моего рода, я не попытаюсь сбежать. Просто... снимите их. Пожалуйста. Они натирают запястья. Прошу вас!

Мольба сорвалась с моих губ сама собой, жалобно и унижительно.

Он медленно, почти лениво повернулся ко мне, и я увидела его лицо. Уголок его рта дрогнул в едва уловимой, холодной усмешке.

– Дай слово, – повторил он, и в его голосе впервые появилась эмоция – ядовитое, леденящее презрение. – Клятва ведьмы, которую поймали с поличным и везут на суд. Это ново.

Он натянул поводья, заставив лошадь остановиться, и соскользнул с лошади, проверить поводья, подпругу.

Размять затёкшие ноги, но меня так и оставил сидеть.

Поднял голову, развернулся ко мне полностью.

Его глаза, эти грозовые глаза, смотрели на меня с таким откровенным насмешливым неверием, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

Или покаяться в чужих грехах, только бы не смотрел так!

Я не была впечатлительной, считала себя сильной, но с инквизитором такого уровня, способным сдерживать магию одним движением брови, столкнулась впервые.

Это было страшнее, чем оказаться в тюрьме. Я почти начала скучать по своей камере.

— Ты думаешь, я только вчера надел эти латы? — его голос был тихим и острым, как лезвие. — Я слышал клятвы, данные на крови детей, на могилах матерей, на самых священных для вас реликвиях. И видел, как их нарушали в ту же секунду, когда моя спина была повернута. Вера — мой долг. Но доверие к твоим словам — глупость, за которую я заплачу жизнью. А я, ведьма, своей жизнью очень дорожу.

Он коротко, беззвучно рассмеялся. Это был невесёлый, циничный звук.

— Так что нет. Сиди смирно в своих цепях. Для таких, как ты, они — единственная правда, которую ты заслуживаешь.

Через секунду он вскочил в седло позади меня, резко дёрнул поводья, и лошадь вновь тронулась с места, рывком встряхнув меня.

— Но вот коня пожалеею. Надо будет купить тебе другого, чтобы ты не пачкала своей силой моего Ворона, — засмеялся

он.

Я закрыла глаза, чувствуя, как жгучие слёзы стыда и бессилия подступают к ним. Он был прав.

Он – инквизитор.

Я – ведьма. Между нами не могло быть ничего.

Никакой жалости, никакого сочувствия.

Ничего, кроме цепи и ненависти.

И где-то там, впереди, ждало «очищение».

А здесь, рядом, дышал мне в спину мой страж, мой палач, мой черный всадник.

И его смех звенел у меня в ушах, звуча куда страшнее любого крика.

К полудню мы добрались до маленького поселения на опушке леса.

Эпизод 4

«Мэрлок» — было написано на новеньком указателе близ дороги.

Я сама была из этих мест, только жила сначала чуть дальше на востоке, а потом, когда дар открылся с приходом первой крови, меня передали странникам, бредущим в паломничество по Святым местам.

Я должна была сгинуть в пути, так молчаливо рассудили местный священник и мои дальние родственники, у которых занимала угол после смерти родителей от лихорадки.

Но укрылась в лесу, в хижине травницы неопределённых лет. Она была слегка сумасшедшей, жила на окраине болота, принимала меня за умершую дочь, но травы слышала лучше, чем людей.

Говорила с лягушками, с растениями и комарами.

Почти ничему не учила, я больше по хозяйству была. Рада-радёхонька, что не выгоняли.

Сначала она меня почти не замечала, звала Станой, я поняла, что это имя её умершей три года назад дочери, как раз моих лет.

И пела мне песни по ночам. Или самой себе, пока не засыпала за прялкой.

А потом разглядела мой дар.

Крепко за меня вцепилась, с собой в дальний путь брала. Люди в деревне, что была в полдня пути, её не обижали. Боялись, обращались за помощью.

И не задавали лишних вопросов, когда видели меня.

Дочь так дочь. Дар свой я скрывала, памятуя о реакции обывателей.

Так и продержалась. Обучилась.

— Ты уже лучше меня, Стана, — сказала как-то моя приёмная мать. — Выбирай свою дорогу. Или иди по моей. Но на моей узко, шаг в сторону — сгинешь в болоте или в людской зависти. Ты слишком хороша лицом, ни один инквизитор мимо не пройдёт, а с ними разговор короткий. Меч, кинжал или огонь.

— Куда же мне податься?

За последние годы здесь всё стало знакомым. Почти родным.

Я поняла, что значит быть дома. У родного очага.

Но дорога тоже звала вперёд.

Ведьму, истинную, с даром, как сердце в груди, сильным, ровным, живым, дорога манит.

Зовёт.

— В город. Там в служанки поступай. Никому ничего не рассказывай. Из Мэрлока, мол, он захудалый, никто проверять не кинется.

Порой сумасшедшая говорила здраво, но потом снова смотрела перед собой бессмысленным взглядом.

И однажды, когда к матери явилась делегация из местной церкви, чтобы посмотреть на меня, поняла — пора.

Собрала котомку, положила смену белья да травку молочай для удачной дороги. И отправилась в городок.

Много их было по пути.

Я выбирала те, где затеряться легче — не слишком маленькие, в таких все друг друга знают, но и столицу стороной обходила. Жила помощницей знахарок, перебивалась лёгким и не очень заработком, пока не осела близ Вудстиля.

Помогала экономке священника. Где ещё будешь жить, как у Христа за пазухой, как не под носом церковника?!

А потом пришёл мор в соседнюю деревню. Поветрие.

Я молилась в церкви вместе со всеми. Крепилась, чтобы не выдать себя. Потихоньку помогала местным ребятишкам, чтобы не заболели.

Да кто-то по невинности и выдал родителям. А те пожаловались священнику. Тот долго крепился, делал вид, что я не ведьма, а так, балуюсь, заблудшая душа. Играюсь с травами.

А потом — совесть замучила. Или испугался, что донесут уже на него.

Так и оказалось: выхода нет.

Я сбежала в моровую сторону, взялась отводить мор, растить травы, которые как щиты должны были оттянуть болезнь на себя.

Мор — он тоже живой, подчиняется магии вокруг...

Я всё вспоминала события последних лет, пока ван Торен

не остановил коня.

Я огляделась.

Десять покосившихся дворов, заросшая бурьяном площадь и постоялая гостиница, больше похожая на большую избу. Дым из трубы висел в неподвижном воздухе ленивой дымкой.

Что-то сжалось у меня внутри.

Эта деревушка была до боли похожа на ту, где я пыталась помочь.

Ту, что стала моей могилой ещё до того, как меня заточили в каменный мешок.

Та же бедность, та же покорность судьбе, написанная на загорелых лицах мужиков, слоняющихся у коновязи.

Тот же запах — дым, навоз и кислая капуста.

Но не только. Здесь витал живой дух, магия здоровых, занятых повседневными заботами людей.

И это заставляло моё сердце биться сильнее, ровнее. Во мне просыпалась надежда.

Ван Торен спешил, его движения были отточены и эффективны, наполнены первобытной силой.

Он не стал вести меня в дом, где, судя по доносящимся оттуда звукам, была таверна.

Вместо этого инквизитор коротко огляделся, выбрал толстое, вкопанное в землю бревно, к которому обычно привязывали лошадей, и пристегнул цепь моих наручников к тяжёлому железному кольцу на нём.

– Двигаться будешь только в нужник, и то со стражей, – бросил он, не глядя на меня.

Поймал взгляд перепуганной служанки, вытиравшей руки о фартук у крыльца. Показал на свой нагрудник.

– Эй, девка! Принеси ей поесть. Сюда. И не разговаривай без нужды, а то сглазит!

Рябая баба перекрестилась, а когда ван Торен отвернулся, показала кукиш и плюнула под ноги. Местный охранный знак, не одобряемый официальной доктриной.

Но кто знает, что поможет? Так рассуждали в народе.

Инквизитор тем временем скрылся в тёмном проёме двери таверны.

Я осталась сидеть на земле, прислонившись к шершавому бревну, чувствуя себя последним существом на свете. Хуже дворовой собаки.

На меня смотрели.

Сначала украдкой, из-за ставня, потом смелее.

Дети тыкали в мою сторону пальцами, пока их матери не утаскивали их внутрь крестясь.

Я была зрелищем. Диковинкой пострашнее медведя на цепи.

Служанка, испуганная, как зайчонок, принесла миску с тушёным мясом и кислой капустой и глиняную кружку с тёмным, пахнущим дрожжами вином.

Поставила так, будто боялась обжечься и убежала.

Еда была простой, но сытной.

Вино — терпким и крепким.

Я ела жадно, запивая каждый кусок большим глотком.

Голод и усталость взяли своё, а вино ударило в ослабленную голову, разморив тело и притупив острые грани страха.

За мной наблюдали не только местные, но и стражник, которого невесть как нашёл ван Торен.

Однако сейчас мне было всё равно. Бежать некуда. Да и освободиться от наручников я не могла.

Кочевая жизнь и страх быть узнанной научили меня — радуйся сегодняшнему дню, используй каждую спокойную минутку, чтобы вздремнуть.

Но отдохнуть было не судьба.

Из таверны вышел ван Торен, свернул за поворот и тут же вернулся, ведя за собой нового коня — не такого исполинского, как его Ворон, но крепкого, спокойного на вид мери-на.

Облегчение, сладкое и пьянящее, омыло меня.

Значит, не придётся больше чувствовать каждый его мушкет у себя за спиной. Дорога станет хоть чуточку, но легче.

Я принялась жадно допивать вино.

Инквизитор увидел пустую миску и почти допитую кружку, и на его лице мелькнуло что-то вроде удовлетворения. Он ждал, пока я допью.

И тут опьянённая вином и этой крохотной поблажкой, я снова открыла рот.

Проклятая слабость!

— Я не насылала тот мор, — выдохнула я, глядя куда-то мимо него, на покосившийся забор. — Я пыталась его остановить. Лечила травами, читала заговоры на здоровье... Но люди увидели, как я собираю корни при луне, как заставляю бобы становиться изгородью и... всё. Они решили, что это я.

Ван Торен закончил осматривать сбрую нового коня и медленно повернулся ко мне.

В его глазах не было ни гнева, ни удивления.

Лишь холодная, академическая усталость. Такую я видела лишь однажды: когда к моей приёмной матери явилась та компания с местным инквизитором во главе.

Ему не было дела до травницы, он пришёл за мной. Потому что заранее решил: виновна. Должна быть наказана.

— Ты не понимаешь, — сказал он, и его голос звучал почти как у наставника, объясняющего простую истину упрямому ребёнку. — Твоя вина не в конкретном поступке. Я изучал природу твоего рода. Вы порочны по самой своей сути. Даже не ведая о своей силе, вы несёте её в себе, как гнилую сердцевину. И однажды она прорывается наружу. Не обязательно по злему умыслу. Просто... не сдержалась. Не совладала. И мор, и падёж скота, и засуха — это лишь следствие вашего существования. Вы — яд, который отравляет мир просто своим присутствием. Неважно, что ты сделал тогда. Ты делаешь зло, потому что — гниль.

Его слова были страшнее любого обвинения.

Он не считал меня преступницей.

Он считал меня смертельной болезнью

В этот момент с гиканьем примчалась ватага местных мальчишек.

Один из них, самый смелый, швырнул в меня комом земли.

Он угодил мне в плечо, оставив грязное пятно на сером платье.

Другие, ободрённые, подхватили, и вот уже в меня полетели мелкие камешки и комья.

Эпизод 5

Я вжалась в бревно, зажмурившись, ожидая удара.

Но удара не последовало.

Раздался резкий, как удар хлыста, окрик ван Торена:

– Прочь! Иначе вы все окажетесь пособниками Тьмы!

Он не кричал.

Но его тихий, стальной голос прорезал воздух, заставив мальчишек замереть.

Инквизитор сделал шаг вперёд, заслонив меня собой.

– Это собственность Ордена, – произнёс он, и в его тоне не было защиты, лишь холодное напоминание о праве собственности. Перед которым невольно склоняешь голову. – Её судьбу решит Верховный Инквизитор на публичном очищении. Чтобы все видели.

— А вы, – его взгляд скользнул по бледным лицам пацанов, – не смеее портить ей внешний вид.

Мальчишки, как мыши, разбежались. Тихо, опустив головы, даже не смотря в мою сторону.

Ван Торен обернулся ко мне.

На его лице не было ни капли сочувствия, лишь привычная суровость.

– Не обольщайся, – сказал он, отстёгивая мою цепь от бревна.

Будто оправдывался перед самим собой, он тоже не смот-

рел мне в лицо.

– Это не для тебя. Это для суда.

После того как я сходила за двор в сопровождении всё той же рябой служанки, инквизитор помог мне взобраться на спину мерина.

Его прикосновение было быстрым и безразличным.

И снова пристегнул цепь к своему поясу.

Мы тронулись в путь, покидая деревушку.

А я сидела, чувствуя, как пьяный угар сменяется ледящей душу трезвостью.

Он защитил меня не как человека.

Как вещь. Как доказательство своей веры и правоты.

И эта вера была страшнее детских камней.

Потому что в конце этой дороги ждал не просто магический костёр.

Ждал ритуал, призванный показать всему миру, что такие, как я, не имеют права жить.

Старая мельница стояла в отдалении от деревни, у тихой заводи.

Её крылья, почившие навек, чернели на фоне закатного неба, словно кости гигантской птицы. Мельницы — пристанище чертей — так говорили в народе.

— Когда пообещает мельник припозднившегося путника отдать, так водяной его приберёт. Чтобы колесо и дальше вращалось, — шептались в любой деревне и крестились во-

след мельнику, хотя и уважали.

Хлеб делает. Дело благое.

Но тут иное — помер мельник, я это сразу увидела. Почувствовала, что это место лет пять как точно осиротело. И теперь самому себе дом над заводью в тягость.

Мельничиха, вдова с руками, исчерченными прожилками, и взглядом, вытравленным годами тяжкого труда, оказалась не робкого десятка.

Она кивком ответила на приказное требование ван Торена о ночлеге (а добропорядочные жители нас на постой не пускали), окинула его испытующим взглядом, а на мне остановилась дольше.

И в её глазах я прочла не ненависть, не страх, а тупую, почти животную жалость. Ту, что испытывают к ягнёнку, которого ведут на бойню.

Вроде всё правильно, закон природы, закон человеческий, но всё одно — жаль. Безвинное создание должно умереть, чтобы остальные спокойно жили.

– В амбаре светло и просторно, – сказала она, голос у неё был хриплый, как скрип несмазанных жерновов. – Там и разместитесь. Девку на сеновал?

– Нет, – отрезал ван Торен. – Она будет со мной.

Он привёл меня в просторное помещение, где пахло пылью, старым деревом и сухими травами.

Посередине стояла грубая кровать, у стены – на сколоченный из досок стол.

Инквизитор снял с меня цепь от своего пояса, но наручники оставил. Пристегнул длинную цепь к железному кольцу, вбитому в центральную балку. Звякнул ключом, который висел у него на груди, поверх кольчуги.

– Спи, – бросил он, снимая латы с привычной ловкостью. – Штучки с бегством или чем похуже... – он метнул на меня тот самый, леденящий душу взгляд, – оставь. Я сплю чутко. И если ты надумаешь меня извести, помни – следующего инквизитора пришлют менее терпеливого. Да и я жизнь отдам не за полушку.

Я хотела было возразить: ничего такого не имею в виду, буду вести себя смирно, чтобы ты и твоя Верховный убедились: со мной можно договориться, но смолчала.

Поймала его тяжёлый взгляд, задержавшийся на мне с намерением выслушать привычное оправдание, и осеклась.

Хозяйка принесла ужин – хлеб, сыр и две кружки чая, пахнувшего мёдом и лесными травами. Она поставила одну кружку передо мной, её грубые пальцы на мгновение коснулись моей руки, и в голове у меня что-то ёкнуло. Не звук, а... ощущение. Тяжёлый, настойчивый взгляд.

«Будь готова!»

Ван Торен ел стоя, не выпуская меня из поля зрения.

Я сделала глоток чая – и чуть не поперхнулась.

Под сладковатой медовой влагой скрывался знакомый, горьковатый привкус. Дурман-трава. Вдовушка решила помочь нам уснуть.

Слишком крепко. И не могла не понимать, что любая ведьма почует вкус травы, что применяли от бессонницы и беспокойно совести.

Я сделала пару глотков и отставила кружку, наблюдая, как ван Торен осушил свою до дна.

Выходит, не так они сведущи — инквизиторы.

Он погасил одну свечу, и комната погрузилась в полумрак, освещённая лишь подсвечником на столе да квадратом лунного света в окне без стекла.

Я слышала его ровное дыхание, чувствовала тепло его тела где-то в темноте.

И ненавидела себя за то, что это тепло казалось мне единственной точкой опоры в этом кошмаре. Мне хотелось разбудить его и поговорить. Чтобы не спал, а слушал.

Доказать — я не наполнена злом.

Я снова потянулась за кружкой, посмотрела в её тёмное нутро. Может, тоже уснуть без тревоги? Потом вздохнула и принялась за чистую воду из кувшина.

В голове, словно из-под толстого слоя ваты, проступил голос. Тот самый, хриплый, как скрип жерновов.

«Он спит. Ключ на груди. Произнеси чёрные слова. Они раздерут ему глотку, заставят проглотить язык, пока дурман действует. И беги. Беги, дитяtko. Ты же ведьма. Ты знаешь, как это делать».

Я замерла, вжавшись в солому.

Это было не колдовство, не магия в моём понимании. Это

была грубая, почти звериная телепатия, продиктованная той самой тупой жалостью.

Она видела жертву и палача и решила помочь жертве, дав ей шанс стать убийцей. Тем, кем инквизитор её считал.

«Нет», — подумала я изо всех сил, вкладывая в мысленный крик весь свой ужас и отвращение.

«Я не стану убийцей. Я не та ведьма».

Голос умолк, оставив после себя тяжёлое, неодобрительное молчание.

Но мысль о ключе засела в мозгу, как заноза.

Не убивать. Никогда.

Но сбежать...

О боги, как я хотела сбежать!

Я закрыла глаза, отбросив страх.

Ошейник давил, но он гасил лишь активную магию, ту, что рвётся наружу. А то, что было глубоко внутри, сама суть моей крови, связанная с жизнью, с ростом... её заглушить было сложнее.

Я могла, истощив силы, воззвать к ней.

И если раньше решила договориться с Верховным, то сейчас меня одолевали сомнения: если он таков же, как тот, кто спит рядом, с чего я решила, что мне позволят говорить? Захотят выслушать, а главное — пойти навстречу?

Мне было что предложить Ордену, но фанатизм его членов иногда сильнее голоса их разума.

Значит, надо спастись бегством.

Я сосредоточилась на памяти о запахе влажной земли, об упругой силе молодого ростка, пробивающегося к свету.

Зелёная магия — моя суть.

Я шептала внутри себя древние слова, не несущие силы, но несущие просьбу.

Я просила, умоляла ту зелёную мощь, что дремала в балках старой мельницы, в пыли на полу, в щелях между камнями фундамента.

И оно пошло.

Медленно, мучительно.

Тонкая, почти невидимая в лунном свете лоза поползла по полу, к его кровати.

Другая – по стене, к балке, где висел ключ.

Сейчас я заполучу ключ — и свобода!

Пот проступил у меня на лбу, сердце колотилось, готовое вырваться из груди.

Ещё немного... ещё...

Внезапно снаружи, за окном, раздался грубый крик.

Потом другой.

Топот десятка ног.

Треск факелов, бросающих на стены пляшущие тени.

Они все пришли за мной!

Эпизод 6

Я замерла, обрывая нить своего зова. Лозы застыли и тут же через мгновение принялись скрываться под щели.

— Ведьма! Выдайте ведьму! Негоже ей живой уходить!

— Пусть ответит за мор! За падёж!

— Ведьмы всему виной!

Деревня.

Они пришли.

Не с мольбой, не с просьбой.

С вилами и косами.

С тупой, свирепой яростью, что всегда копится в тех, кто боится, и кто готов обратить вчерашние мольбы против того, кого молили.

Ужас, холодный и липкий, затопил меня.

Ван Торен мог быть моим тюремщиком, но там, снаружи, люди были моими палачами. Они не станут ждать суда в столице. Они разорвут меня на куски здесь и сейчас.

Инстинкт самосохранения окажется сильнее ненависти и страха перед Орденom. О страхе толпа будет думать потом.

— Господин ван Торен! – хрипло крикнула я, дёргая цепь.
— Инквизитор!

Он вскочил с кровати одним движением, уже с мечом в руке. Его глаза, ясные и собранные, без намёка на дурман, метнулись ко мне, а затем к окну.

– Что? – голос сделался резким, как удар стали.

– Они... пришли за мной, – прошептала я, отступая к стене и показывая головой на дверь, за которой уже слышался гул разъярённой толпы. – Чувствую... слышу их. Хотят расправы.

Он посмотрел на меня.

Всего долю секунды.

Но в его взгляде не было ни прежнего презрения, ни холодности. Была лишь стремительная, безжалостная оценка угрозы.

И её объекта.

— Можешь напугать их своим колдовством?

Проверка? Я приподняла брови.

— Нет, что вы! Я никогда никому не причиняла зла!

Я ожидала ухмылки, но в лице инквизитора промелькнула досада. Мол, нашла время и место кокетничать и упорствовать в ереси!

– Тогда встань за мою спину, – приказал он тихо, подходя к двери и засовывая за пояс тяжёлый ключ от моих наручников. – И не вздумай шевелиться. Твоя жизнь сейчас принадлежит не им. И не тебе. Она принадлежит Ордену.

Сказать больше ничего не успел.

Дверь амбара с треском поддалась под напором толпы, и в проёме возникли силуэты с искажёнными яростью лицами, освещённые неровным светом факелов.

Я отступила на шаг, насколько позволяла цепь. В этот мо-

мент всё во мне сжалось от предвкушения неминуемой боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.